

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.3 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

**Александр Валентинович
Амфитеатров**

Стрелки в Тоскане
(Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатровым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Италия»

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

Стрелки в Тоскане

В Духов День тосканские горцы, сменив свои обычные овчины на народные суконные и бархатные куртки, лихо заломив набекрень украшенные яркими лентами колпаки сияя серьгами, кольцами, цепочками и булавами с фальшивыми камнями, спускаются с своих высот к городу Пистойе, где какой-то в Бозе почивающий подеста установил лет триста тому назад в этот день праздник стрелков. Что год, то хороших стрелков все меньше, и вот уж несколько лет, как ни один молодец не попал в самую трудную цель и не взял первого приза. Цель эта такая: на высокий шест прикреплен вертящийся шарик, а самый шест вделан в ступицу колеса, тоже вращающегося, но в обратную шарикую сторону. И шарик, и шест, и колесо выкрашены в желтый мутный цвет и в пятидесяти шагах едва видны человеку с плохим зрением; а кто видит хорошо, у того в глазах рябит от мелькания шарика, и все выстрелы по нем пропадают даром.

В последний раз шарик был сбит в 1882 году знаменитым стрелком Витторио Каварра, так трагически кончившим в тот же день

свою старую жизнь.

Витторио был человеком минувшего века; теперь таких уже мало. Он умер семидесяти лет. В юности он занимался контрабандой на Ливорнском побережье и чуть не каждый день имел стычки с таможенными — в одной ему прострелили плечо, в другой сломали ногу, а в третьей чуть не забили насмерть прикладами, скрутили полуживого по рукам и ногам и отвезли в тюрьму. Суд отправил Витторио на галеры, — это было милостью, потому что сперва его хотели повесить. С галер он бежал, пробрался в Америку и совсем там обжился, как вдруг началось гарибальдийское движение, и Каварра потянуло на далекую родину. Он дрался в знаменитой «тысяче». Объединение Италии и правление Виктора-Эммануила доставили старику возможность спокойно дожить свой век в родном селении — в разбросанной горной деревушке, растерявшей свои белые домики на скате крутой, сверху донизу покрытой зеленью скалы.

Хижина Витторио — как скворечник — торчала всех выше. Хозяин почти всегда сидел на ее пороге, грея на солнце свои старые

кости и глаза в полную голубым горным туманом даль. Когда бывало необлачно, он прекрасно видел со своей вышки горы Каррары, а купол флорентийского собора темнел у его ног, рукой подать. Гостей старик не любил, разговорчивых соседей тоже. Пройдет мимо односельчанин, Витторио кивнет головой и опять уставится в даль своими орлиными глазами, как угли сверкающими из-под седых бровей. Покажется вдали капеллан или сакристьян. Витторио лукаво ухмыльнется в щетинистые усы, приосанится и — будто не видит, кто идет, — примется насвистывать гарибальдийский марш. Капеллан страх как не любил за это Каварра и даже в проповедях звал его чадом антихриста, сосудом дьявольским, вместилищем всякой скверны. Но прихожане плохо верили своему пастырю: как же Витторио мог быть сосудом дьявольским, когда на шляпе у него была нацеплена чуть ли не целая дюжина образков, на груди зашита ладанка с молитвой от злых духов, а с левой руки он никогда не снимал амулета с мощами?.. Единственным спутником одинокой жизни старика был его племянник Изидоро

Бальфи, сын сестры Витторио, — она была тосканка, но вышла замуж за чужака-ломбардца, да так и умерла на берегах По, среди майсовых полей, от тамошнего бича — пелагры [1]. Витторио, когда получил амнистию и поселился на родине, узнав, что зять его Бальфи в жестокой бедности, хотел ему помочь, да уже поздно: вскоре бедняга отправился за женой, а сироту Изидоро Витторию взял себе. Мальчик вырос молодцом на славу: красивый, статный, ловкий. Фактор-еврей из Флоренции, что рыщет по тосканским захолустьям, выискивая натурщиц и натурщиков для приезжих художников, соблазнял его ехать с собой, предлагал по червонцу за сеанс, но гордый юноша едва не убил еврея, — так ему обидно показалось это предложение. Вспыльчив он был страшно, а разъяренный — лез в драку, как бык. А так как он и силой не уступал быку, то с Изидоро шутить не любили. Чуть, бывало, он после фиаски молодого *chianti* [2] опустит глаза в землю и побледнеет, — все от него врассыпную, потому что это значило, что Изидоро считает себя обиженным и начнет сейчас крушить всяко-

го, кто попадет под руку. Его любили, потому и берегли, а не то давно бы ему гнить в окружной тюрьме. Витторио души не чаял в племяннике.

— Моя кровь! точь-в-точь таким и я был молодой! — говорил он.

— А вот, дядя Витторио, — сплетничали ему, — рассказывают, будто ваш Изидоро с пятью такими же сорвиголовами пронесли на прошлой неделе во Флоренцию каждый по двадцати кило табаку...

— Неправда! — обижался старик. — Изидоро нес сорок!

— Тем хуже, дядя!

— Э! у правительства денег много... Не станет беднее от того, что в догану (таможню) попадет сотней лир меньше, а молодым людям надо позабавиться и достать денег на удовольствия.

Лесничий смежного с деревушкой имения графа Кавальканти, самого важного нобиля Тосканы, ненавидел Изидоро и ставил ему на счет каждую дикую козу, исчезнувшую из лесов его светлости, каждый капкан, каждый силоч, найденный в чаще, но уличить моло-

дого браконьера не мог — юноша был хитер и ловок, как дикарь, притом дружил с объездчиками, и те держали его руку. Не самому же лесничему было ловить этого богатыря: вернуться без греха с охоты на него было трудно, — живым Изидоро не сдался бы; пришлось бы либо ему всадить пулю в лоб, либо от него получить. А последнее было возможнее, так как, за исключением своего дяди, понаметавшегося в этом искусстве в саваннах Южной Америки, Изидоро, бесспорно, был лучшим стрелком околотка. Он уже взял несколько призов на празднике Духова Дня в Пистойе, но на вертящийся шарик еще не посягал и первой награды не брал. Она всегда доставалась самому Витторио. В 1882 году Изидоро решился попробовать счастья и на первый приз.

— Смотри, сынок! — толковал дядя племяннику, — не осрамысь. Человек из рода Каварра не должен браться за цель, если не уверен в успехе. Мы — триста лет лучшие стрелки Тосканы. Я десятилетним мальчиком бил ласточек на лету. Ты должен поддержать репутацию нашего рода, и я надеюсь, что под-

держишь! Глаз у тебя верный, рука твердая... что же касается оружия...

Витторио открыл старый платяной шкаф и вынул из него превосходный штуцер, хотя и не новой системы.

— Вот, возьми это, Изидоро. Такого оружия нет ни у кого из тех, кто придет на праздник. Но помни, мальчик: если ты дашь из него промах, я тебе не прощу такой обиды. Это ружье подарено мне самим великим Джузеппе, когда мы встретились с ним в Америке. Честью тебе клянусь: я никогда не промахнулся, стреляя из него, — никогда его не обидел. У меня орденов нет, — это ружье мой орден. Его обидишь — меня обидишь!

— Ладно, дядя, не беспокойся! — сказал Изидоро, пожал старику руку и с благоговением поцеловал драгоценное ружье.

Несколько дней практики, и, пристрелявшись, он овладел великолепным подарком Гарибальди не хуже самого Витторио.

В День Св. Духа дядя и племянник проснулись спозаранок, до петухов, надели коричневые бархатные куртки и голубые шелковые пояса, прицепили к шляпам по два тонких ор-

линых пера, Изидоро вскинул штуцер на плечо, и пошли в Пистойю, вниз по извилистой горной тропинке, залитой розовым светом утренней зари.

— Эге, дядя Витторио! — кричали старику встречные знакомые, — вы на праздник? А что же вы сегодня без ружья?

— Я нынче стрелять не буду. Баста! Моя пора прошла, надо дать дорогу молодым. Вот племянника веду...

— Изидоро? О, он у нас молодец! Bravo ragazzo! [3]

После мессы синдако открыл праздник, и выстрелы загревели. От привязанных к шестам петухов только ключья полетели; голуби, заготовленные для садки, не успевали взлетать, как уже падали мертвыми; синдако швырял в воздух голубиные и вороньи яйца, а два удалые фьезолинца [4] почти без промаха били их на лету. Изидоро тоже отличился: на большом куске полотна, натянутом на раму, он пулями наметил правильный круг и пересек его диаметр. Наконец дошло дело и до шарика. Фьезолинцы — оба спасовали, Микеле Сбольджи, флорентиец, тоже, два стрел-

ка из Съенны промахнулись один за другим, при громком смехе толпы. Наконец прицелился Изидоро. Он был серьезен и бледен, а глаза так и сверкали.

Грянул выстрел, — пуля пошла гулять в пространстве, а шарик крутился как ни в чем не бывало. Изидора даже шеста не зацепил, что удалось его предшественнику Сбольджи. Смех публики озлил Изидоро. Он повел вокруг себя свирепым взором и гневно кинул на землю свой гарибальдийский штуцер.

— Дрянное ружьишко! — завопил он.

— Ты лжешь, щенок! — громовым голосом ответил ему из толпы старый Витторио и, растолкав локтями соседей, в два прыжка очутился возле племянника. Губы его дрожали, глаза сыпали молнии, усы встопорчились, — он был страшен. Подняв с земли свое так жестоко оскорбленное ружье, он быстро зарядил штуцер, приложился и выстрелил, почти не целя: шарика — как не бывало.

Толпа разразилась неистовыми рукоплесканиями и криками восторга. Старика потащили было под руки к судейской трибуне за призом, но он вырвался.

— Отдайте ему! — презрительно указал он на уничтоженного племянника и, вскинув штуцер на плечи, скрылся в толпе. Но Изидоро тоже отказался от приза.

Мрачный и гневный возвращался Витторио домой узким горным ущельем, поросшим буками и молодым дубом. До деревушки оставалось не больше мили, когда старик заметил шагах во ста впереди себя какую-то тень, юркнувшую за толстый ствол старого орешника. Вслед за тем его окликнули:

— Дядя!

— Что надо? — сурово отозвался старик.

Изидоро вышел на тропинку и загородил дорогу Витторио. В руках у него было ружье — какое-то новое, незнакомое Витторио.

— Вы меня очень оскорбили, дядя! — начал Изидоро после некоторого молчания.

— А ты меня еще больше... Лучше бы тебе не родиться на свет, чем так опозориться!..

Изидоро прервал его:

— Оставим это, дядя! Я, может быть, хуже вас стреляю, но обид прощать не умею и привык за них расплачиваться.

— Это хорошо, — спокойно одобрил Витто-

рио, — я сам такой. Откуда у тебя это ружье?

— Я украл его у Сбольджи, когда он пошел с товарищами в трактир выпить за свою победу, — ведь второй-то приз присудили ему.

— Украл, чтоб убить меня, не так ли?

— Да, дядя. Нам теперь нельзя жить вдвоем на свете.

— Гм... Отчего же ты не выстрелил в меня, когда спрятался за орешником?

— Мне показалось нечестным, если я нападу на вас врасплох.

— Это хорошо! — опять одобрил старик.

— Спасибо на слове, дядя... Теперь я вас предупредил, дядя! Берегитесь!

— Берегись и ты, Изидоро!

Оба взяли ружья на прицел, и оба их спустили.

— Изидоро!

— Что, дядя?

— Я думаю, что пред таким делом нам не мешало бы помолиться.

— Я уже молился, дядя, пред статуей Мадонны на фонтане у железнодорожного моста... Но вы молитесь, я мешать не буду.

Витторио стал на колени, прочитал Pater

poster и Credo поцеловал образки на своей шляпе и поднялся.

— Я кончил, Изидоро.

— Как вам угодно, дядя.

Изидоро отступил за свой орешник. Витторио укрылся за пнем разбитого молнией дуба. Воцарилась мертвая тишина, только дятел стучал носом в дубовую кору над самой головою Витторио да иволга аукала где-то в стороне. Зеленый зимородок сел на тропинку, повертел любопытною головкой с черными глазками и упорхнул.

Опять молчание. Опять стукотня дятла и крик иволги. Но вот у букового дерева расплылось серое пороховое облако, и лес затрепещал отголосками выстрела. Изидоро, держа ружье над головой, бросился к упавшему дяде и с ужасом отступил: Витторио был безоружен... Штуцер его валялся, отброшенный по крайней мере на пятнадцать шагов...

— Дядя! что вы сделали?.. — вскричал молодой человек, склоняясь на пробитую его пулей грудь старика.

Витторио открыл глаза.

— Ничего, мой мальчик... — прошептал он,

задыхаясь и захлебываясь кровью, — ничего... Что же делать! Я не в силах был стрелять в тебя, а жить после того, как ты хотел меня убить, было бы для меня... несколько тяжело...

Изидоро зарыдал, ломая руки.

— Не плачь, мальчик... Я тебе прощаю... — шептал раненый, — только ты все-таки ошибся: надо было взять на дюйм левее, тогда ты кончил бы сразу, а теперь... теперь я еще часа два промучусь...

Примечания

Рассказ написан в 1888 г., включался в сб. «Случайные рассказы» (под заглавием «Праздник стрелков»), «Сон и явь» (раздел «В Италии»), «Мифы жизни» (раздел «Италия»).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Подеста — городской голова.

Гарибальдийское движение — национально-освободительное движение в Италии за ее объединение под руководством Джузеппе Гарибальди.

Виктор Эммануил — король объединенной Италии в 1861 — 1878 гг.

Капеллан — помощник католического приходского священника.

Сакристьян — хранитель ризницы в католической церкви.

«Pater noster», «Credo» — католические молитвы «Отче наш» и «Верую».

Примечания

Пелагра — местная ломбардская болезнь, происходящая от дурного питания, преимущественно же от употребления в пищу испорченного маиса. (Прим. автора.)

[^^^]

Къянти (ит.), сорт вина.

[^^^]

Славный малый! (ит.).

[^^^]

4

Fiesole — городок близ Флоренции. (Прим. автора.)

[^^^]